

Перекрестим небесную Русь

*Родному деду,
Георгию Андреевичу
Будину,
посвящается*

МОЙ ДЕД погиб под Старой Русой
В нещадном Дёмином котле
Среди лесов, болот и гнуса
Во тьме войны — кровавой тьме.

Там с сорок первого и далее
Был каждый лист подошвой смят,
И на свинец солдат кидали,
Как на заклятие — ягнят.

Скрипели гусеницы танков,
Кромая ребра под собой —
Не все безвестные останки
В могилы собраны судьбой.

И на болотах в топком иле,
В желе, где сгинет даже бес,
До сей поры находят ИЛы,
Огнем упавшие с небес.

Порой без смертных медальонов,
В которых выржавел металл,
С землей сроднились миллионы.
А впрочем, кто тогда считал?!

И дед погиб — осталась дата.
Среди бесчисленных имен
Стоит лишь памятник солдату,
Который в яме погребен.

Он смерть нашел в деревне брэнной.
Деревня! Думал ли о ней?
Поставьте памятник деревне,
Как рудименту наших дней.

Поставьте памятник Отчизне —
Ее великий голос смолк
В чужеголосье сытой жизни,
Не признающей слова «ДОЛГ».

Нам Бог — судья! Живем в искусе,
Но я — не спившийся мужик.

И буду помнить в Старой Русе
Клочок земли — там Русь лежит.

МНУ В КАРМАНЕ последнюю сотню
На Тверской у съестного ларька
У какой-то глухой подворотни,
Где стекает вода с козырька.
Пахнет затхлой кирпичной утробой,
Уводящей в запущенный двор.
А в ларьке за стеклом — бутерброды
И горячий «кофейный» раствор.
Постою, пожую и исчезну,
Затерявшись в снующей толпе.
И запомнится мне, если честно,
Только то, что запомнить хотел,
Что от сердца куском откололось:
Подворотня и в ней пустота,
Словно жизнь провалилась в колодец.
А вокруг суета, суета...
Средь людей — и простецких и ушлых
Мой порыв в неумной тщете,
Как осколок эпохи минувшей
В современном рекламном щите.

НАПЕРЕКОР дождю откинул
Свой капюшон хмельной рукой.
Я — горожанин, а не инок,
До лба накинувший куколь.

И «Саперави» в теплой фляжке —
Не кровь Христа, а кровь Земли.
Постичь божественное тяжко —
Земное купишь за рубли.

Вот и кафе недорогое —
Там нет дотошного дождя.
Но я страдал немым изгоем,
В вине ответ не находя.

Еще светло — не вечер поздний,
А выбор мой не завершен.
К двери, за дверь под гром Господний,
Накинув влажный капюшон.

Под полусферой капюшона
На грани полубытия
Есть свет, который вдруг нашел я
Душой земного фитиля.

ЗДРАВСТВУЙ, ПАПА... Вот мы и свиделись.
В первый раз. Ничего, что во сне.
Ты все в том же потертом свитере,
И на улице все еще снег.
Все на свете за этой комнатой
Замело, залегло, затекло —
И над миром скорбящий колокол
Безголосо звучит за стеклом.
Тени прошлого, тени утлые
Между книжных нетронутых ниш —
Здравствуй, папа... Нет, я не путаю,
Если в кресле ты рядом сидишь.
Но молчишь и молчишь загадочно,
Оберегом в тревожной ночи.
Здравствуй, папа... И мне достаточно,
Что ты рядом. Но ты — не молчи.

Помню, лапник с убогими шишками
Лег под первый могильный венок —
Если были и есть ожившие,
То, наверное, только в кино.
Если веровать во Всевышнего,
То хотя бы качни головой.

Я проснулся, но помню — слышал же:
— Все поймешь — ты еще молодой...

ТРОТУАР ДАЖЕ в снежный разгул
Испещрен каблуками и солью.
Наблюдай и тихонько мозгуй,
Почему ты такой невеселый.

Не ищи смысловые концы
Ни в Москве, ни в раскосой Казани...
Здесь юнцы и в Казани юнцы —
Значит, сами себя наказали.

Ни Отчизны, ни гордости нет,
Без которых смешно и убого —
В голове мировой интернет
Без души, состраданья и Бога.

И не рвемся из гиблых силков,
Даже после душевного срыва,
На природу, где ризой снегов
Утешение Землю укрыло.

ОТ ЯЗЫЧЕСТВА и басурманства
Князь крещением русичей спас,
Но в единую серую массу
Замесили столетия нас.

Мы без рода и племени бродим
Под небесным сакральным венцом —
Россияне по паспорту, вроде,
Но метисы душой и лицом.

Нас секли — и такое бывало.
И секирой грозила Москва,
Только я не хочу быть Иваном,
От рожденья не знавшим родства.

Пусть несут ахинею газеты
Языком миллионов страниц,
Заголовками громких страниц,
Нависает рекламой подземка,
Где не вижу я родственных лиц...

Но с наследием, канувшим в Лету,
Не порву пуповинную связь —
Русский дух не исчезнет бесследно
Погружаясь в житейскую грязь.

Пусть подземка из камня и стали
И высотки бетонные — пусть.
Мы и в бездне живыми перстами
Перекрестим Небесную Русь.